

Геннадий Обатнин
ЕЩЕ РАЗ О «ПОМНИТЬ» И «ВСПОМНИТЬ»
У ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В письме к художнице А.П. Остроумовой-Лебедевой от 21 января 1934 г. Ю.Н. Верховский признавался:

У Вячеслава есть прекрасное стихотворение – жаль, что не помню его – о воспоминании и памяти. Хорошо писать воспоминания тому, у кого есть память и Память – две, обе. Вот первой у меня нет. <...> В отголосок Вячеславу написалось у меня одно из немногих стихотворений этого, т.е. теперь прошедшего года <...>.

Воспоминаний мало у меня
 О том, что протекло средь бела дня;
 Событий, происшествий, дел, вещей
 Не много в жизни собралось моей;
 Но движется сетями верениц
 Мир дышащих и стольких милых лиц –
 Ушедших и оставшихся во мне.
 Живущих въяве, не в текучем сне.
 В мерцанье слов разрозненных и встреч
 Мне удалось лишь малое сберечь;
 Но целое живет во мне, со мной,
 И пребывает в мире мир иной –
 И в этой цельности живой живу
 Я не во сне зыбучем, наяву;
 И мгла воспоминаний расплылась,
 А памяти живой крепчает связь¹.

Отметим, что вопросом о том, надо ли делиться воспоминаниями, Верховский задавался и ранее, например во «Вступлении» к автобиографической поэме «Созвездие» (опубл. в 1923), посвященной детству героя, его первой любви и становлению его как поэта:

Есть у меня в стране Воспоминая
 Видения, знакомые давно.
 Раскрыть ли им простор повествованья?
 Иль, скажешь, им забвенью суждено?
 И то, что мне душой узнать дано –
 В ночной тиши безмолвия хранимо,
 Останется со мной – всегда одно –
 Чтоб люди шли, не спрашивая, мимо?²

Позднее, в своих «припоминаниях» о Блоке, Верховский пояснил эту мысль – здесь, процитировав письмо Блока к Белому, он продолжал:

Вот это цельное до конца принимаю и верю принадлежит «памяти сердца». Я должен сказать о себе, что я помню по преимуществу этой памятью – не даты, не факты, даже не события – помню живых людей; из памятных встреч – не разговоры, а только отдельные мгновения, их интонации, оттенки, то, что могло бы закрепиться в беглых дневниковых записях, если бы они сохранились, в письмах, наконец, в домашних дружеских стихах, писанных только для того, к кому они обращены, как водилось еще – по классическому примеру – в то далекое «мое время». Эти личные обращения – в сущности единственный «документальный» материал, каким я располагаю; но, думается, он живей и свежей, чем были связные стариковские традиционные «воспоминания»³.

В каталоге Публичной библиотеки в Петербурге числится 297 книг, названных первой фразой из стихотворения К. Батюшкова «Мой гений» (1816), с цитирования которой Верховский начинает это рассуждение, и некоторые из них принадлежат к жанру воспоминаний (из них самые, наверно, нам известные – жены Луначарского, актрисы Н.А. Розенель). С «памятью сердца» Верховский связывает широко понятое дружеское послание, которое именно он возродил и разрабатывал на рубеже веков⁴. Поэтому, как уже отмечалось специалистами, корпус текстов Верховского далеко не исчерпывается

опубликованными произведениями, многие из которых, подобно приведенному выше, сохранились только в его частной переписке. Такой «домашний» род литературы предполагает и своего рода язык, частое использование цитатного и реминисцентного слоя, главным образом из классиков русской и мировой поэзии, которыми пестрят послания Верховского⁵. Но и в опубликованных текстах за этим надо следить: например в последней строфе вступления в поэму «Созвездие» содержится пропущенная комментатором аллюзия на финал «Финляндии» Баратынского: «Я звал звезду невзвонкими устами – / И звуками за звуки награжден, / И за мечты я награжден *мечтами*»⁶; ср.: «Я, невнимаемый, довольно награжден / За звуки звуками, а за мечты мечтами».

Не лишним будет здесь напомнить, что «воспоминание» само представляет собой элегический топос раннеромантической поэзии. Среди множества примеров упомянем здесь те, что могут иметь отношение к Иванову. Так, в стихотворении Ф. Шиллера «Тайна воспоминания» (1847) желание слиться с подругой объясняется воспоминанием о довременном (в эонах) совместном пребывании в раю («Не в твоём ли взгляде память рая», пер. А. Григорьева). Вольный перевод с французского, «Отрывки из поэмы Воспоминания» (1819) Е. Баратынского интересны в этой связи не только расхожим толкованием воспоминаний как «языка руин» или памятников (ср. пушкинские «Воспоминания в Царском Селе»), но и пространной медитацией на тему памяти, в том числе ее важной роли для поэтического творчества: «О дети памяти! о Февовы сыны! / Певцы бессмертные! кому одолжены / Вы силой творческой небесных вдохновений?» Разумеется, здесь же присутствует и тема воспоминаний-сожалений об ушедшей молодости, с ее первой влюбленностью по преимуществу. Она обладала популярностью, будучи не раз развитой, например, в элегии К. Батюшкова «Воспоминания» (1814), или в «Воспоминании» В. Жуковского (1816), или в «Воспоминаниях» К. Рылеева (1823). Эта традиция, разумеется, была жива и в двадцатые годы следующего века: на ней, например, построены некоторые из стихотворений М. Фромана из сборника «Память» (1927). Ее же можно разглядеть и в финале стихотворения Верховского «Разлука» (1932): «И, чуть уловлены, замрут, обречены / Воспоминанию – несбывшиеся сны»⁷. Добавим, что как историк литературы Верховский не раз имел дело с мемуарами пушкинских современников. Например, рецензия на

«Мои воспоминания» Андрея Ивановича Дельвига была, судя по его письму к Р. Иванову-Разумнику, написана по собственному почину⁸.

Несмотря на свои сомнения, Верховский делал попытки оставить после себя связанные мемуарные тексты. В воспоминаниях Б.В. Горнунга упоминается, что в 1948 г. он начал надиктовывать мемуары, посвященные детству и своей учебе у Веселовского в 1890-е гг.⁹ Об этом же он сообщал той же Остроумовой-Лебедевой в письме от 10 октября 1948 г.: «Я в свою очередь урывками написал (точнее – надиктовал) несколько мемуарных глав. <...> на очереди – однотомика моих стихов за 50 лет (к будущему году) <...>»¹⁰. О чем именно мог бы из жизни рубежа веков лучше всего вспомнить Верховский, не составляло тайны. Так, в письме к Л. Горнунгу от 3 января 1929 г. Лукницкий отвечал на предложение спросить у Верховского о Гумилеве: «Ю. Верховский? Он уже совсем ничего не может знать об Н.Г. Может и должен хорошо знать о “башне” В. Иванова эпохи 1909-го и прилежащего годов и, вероятно, об *Общ<естве> ревнит<етелей> худ<ожественного>* слова. Об этом его следует спросить. История “башни” нужна для биографии Н.Г., ибо он много бывал там. Вы знаете, конечно, статью Ю. Верховского об Н.Г.? Ну вот этим и исчерпывается все, что он может сказать. Статья грешит неточностями (даже в цитатах), ошибочностью мнений и некоторой слепотой. Ю. Верховский даже не узнал “Мика”»¹¹. По мере убывания из жизни людей начала века Верховскому приходилось, конечно, заниматься судьбой их бумаг. Например, В. Княжнину он сообщал в письме от 24 ноября 1940 г., что должен зайти к А.С. Долинину по делу об архиве свояченицы Ф. Сологуба О.Н. Чернозитовой, а через неделю, 1 декабря обращался к нему же за помощью, поскольку В. Бонч-Бруевич интересуется архивом «покойного Пяста, и меня просил поразузнать, не сохранилось ли чего у Нонны Александровны, а также у Омельянович – и еще у кого-нибудь в Ленинграде»¹².

Если вернуться к письму, с которого мы начали, и задаться вопросом, на какое ивановское стихотворение Верховский отвечает, то ответ очевиден – это незаконченная поэма Иванова «Деревья», начало воспоминаний о совместных днях поэта, проведенных с В. Эрном на курорте «Красная поляна» летом 1916 г. Поэма начинается с различения Памяти и воспоминания, которое упоминает Верховский:

I

Ты, Память, Муз родившая, свята,
 Бессмертия залог, венец сознания,
 Нетленного в истлевшем красота!
 Тебя зову, – но не Воспоминанья.
 В них с погребов души печать снята,
 Где райский хмель стал уксусом изгнания;
 В них страсти боль, все ноющей в корнях;
 В них шлак руды, перегоревшей в днях.

II

Но все ж и вас, Воспоминанья, строго
 Не буду гнать, стучащихся в затвор
 Владычицы недвижимой. У порога
 Вполголоса ведите светлый хор.
 Он с Памятью созвучен, если Бога
 Являет в днях. Ей – скиния; вам – двор.
 Но помните, что вы – ее рабыни.
 Что без нее вы марева пустыни. <...>

(III, 533)

Поэма писалась, по данным О. Дешарт, уже в Москве с конца 1917 г. и в течение 1918 г., и под названием «Деревья: Вступление к поэме» опубликована в «Записках мечтателей» (1921. № 2-3), откуда была, видимо без ведома автора, перепечатана в парижских «Современных записках» в десятом номере за 1922 г., а в третий раз, с добавлением трех строф, появилась в сборнике «Свет вечерний»¹³. Отметим, что печатание «Алконостом» «Вступления в поэму “Деревья”» в «Записках мечтателей» упоминалось в «Литературной хронике» «Вестника литературы» еще до ее публикации¹⁴, и по выходе журнала текст был замечен литературным сообществом. Так, близко стоявший к Иванову в 1920-е гг. Иван Дегтеревский в своей рецензии на «Записки мечтателей» выделил курсивом вышеприведенные строки с различением Памяти и воспоминаний и снабдил их своим комментарием: «Отбрасывается наносно-преходящее, уничтожается случайная накипь явления, снимается пелена застилающей дали, вырастают четкие и спокойные формы нетленного Первообраза Красоты»¹⁵. С другой стороны, далекий от Иванова критик не увидел

в ней ничего нового: «Кроме вещей перечисленных авторов, в Записках помещены еще: Вступление к поэме «Деревья» Вяч. Иванова, ничего не меняющее в давно знакомом облике этого поэта <...>»¹⁶.

Не исключено, что поэма, начатая по возвращении поэта в свою московскую квартиру, где весной того же года умер Эрн, косвенно связана с проектом участия Иванова в так и не вышедшем сборнике памяти философа, куда он дал два других своих текста¹⁷. Неожиданное цитирование Ивановым в предисловии к не вышедшему (предположительно в 1918 г.) переизданию «Тридцати трех уродов» Зиновьевой-Аннибал фрагмента из статьи Эрна «О природе научной мысли» (1914), посвященного отзывчивости природы на отношение к ней, можно объяснить именно нахлынувшими воспоминаниями: поэт связывает в одном тексте двух важных для его духовного пути людей. Более того, память об этой статье, возможно, предопределила одну из его дефиниций в поэме:

<...> Не минуло трех весен¹⁸, а тебя,
 Вожатый мой в тайник живой Природы,
 Уж нет меж нас, дух орлий! <...>

(III, 535)

Однако показательно, что различие между Памятью и воспоминанием уже подразумевается в стихотворении Иванова «Скорбный рассказ» (1917), своеобразной зарисовке того, как вернувшаяся в Сочи дочь рассказывала о смерти философа в далекой Москве:

На скорбные о том, как умер он, расспросы
 Ты запись памяти, не тайнопись души
 Читала нам в ответ <...>

(III, 524)

Так бывает, когда смерть приходит неожиданно: несмотря на хроническое заболевание почек у Эрна, обострение болезни с летальным исходом шокировало Ивановых. Так, В.К. Шварсалон в черновом недатированном и, надо думать, неотправленном письме к брату Сергею из Ессентуков, написанном, судя по содержанию, в июле 1917 г., вспоминала о времени перед получением известия о смерти Эрна:

...насколько я теперь помню, это время совпало с бесконечными сомнениями, решениями и перерешениями о том, ехать ли нам с Димой в Москву или нет, и в этот нескончаемый месяц неизвестности я

не могла сосредоточиться и писать. Тогда у меня было словно предчувствие, что что-то надвигается трагическое, и действительно телеграмма о смерти Володи поразила нас как огромный удар. Хотя в мелочах жизни с ним часто расходились и спорили (причем это мое раздражение теперь мне оч^{чень} мучительно вспоминать), но он был глубоко родной и свой, и я это еще острее почувствовала при известии о его смерти¹⁹.

Отметив переключку между «мглой воспоминаний» в стихотворении Верховского и ивановскими воспоминаниями как «маревами пустыни», обратимся к расшифровке образов из первой строфы поэмы. Начав с аллюзии на излюбленный им и популярный уже в античности миф о происхождении Муз от брака титаниды Памяти (Мнемозины) и Зевса, который излагается в «Теогонии» Гесиода (строки 53–54), Иванов меняет область референций на христианскую. «Погреба души», откуда поэт черпает воспоминания, наполнены скисшим вином, которое было «райским хмелем», а стало «уксусом изгнания» из рая. Во второй строфе говорится, что воспоминания приемлемы, если они совпадают с Памятью, «Бога являют в днях», но есть воспоминания как бы не относящиеся к делу, лживые, ненужные, истинна только память о рае.

Представляется, что Иванов предполагает распознавание читателем довольно известной реминисценции. В сборнике Александра Будеева «Потерянный Эдем: Стихи» помещено стихотворение «Тайные муки, виденья кошмарные, алое золото снов...» с эпиграфом «...le vin de souvenir... Baudelaire»²⁰. Приведенная по памяти (поскольку с ошибкой) цитата взята из стихотворения Бодлера «La chevelure» (название переводилось и как «Волосы», и как «Шевелюра»), представляющего собой описание тех ассоциаций, мечтаний и воображаемых путешествий в экзотические места, куда героя уводит запах волос возлюбленной. Заканчивается стихотворение сравнением той, к кому оно обращено (считается, что это Жанна Дюваль), с оазисом, где он мечтает, и флягой, из которой он длинными глотками тянет вино воспоминаний: «N'es-tu pas l'oasis où je rêve, et la gourde / Où je hume à longs traits le vin du souvenir?». Надо заметить, что в переводе Эллиса нет даже самого выражения «вино воспоминаний»: «Ты была, как оазис в степи бесконечной, / Чтобы волны былого поили мой бред», и непонятно, почему из существовавших на тот момент переводов стихотворения именно этот был выбран для итогового русско-

язычного издания книги в «Литературных памятниках»²¹. Гораздо более точен перевод П. Якубовича-Мельшина: «Ты не оазис ли, рожденный для мечтаний? / Не фляга ль вечности, со дна которой я / Глотаю медленно вино воспоминаний?»²² Впрочем, строку, где упоминаются «воспоминания», «...Pour reupler ce soir l'alcôve obscure / Des souvenirs dormant dans cette chevelure», из первого четверостишия Бодлера оба переводчика передают вольно, теряя повторение ключевого слова (Эллис переделывает в «я мечты пробуждаю», а Якубович переводит как «населить» «виденьями былыми»). Все эти наблюдения не имеют прямого отношения к Иванову, который, несомненно, читал Бодлера в оригинале, но зато имеет отношение то, что «вино воспоминаний», возможно, восходит к какому-то источнику или вообще является топосом. В этом нас убеждает латентное использование образа в начале стихотворения Пушкина «Элегия» (1830):

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее²³.

Это стихотворение поэт процитировал в предпоследней главке его юбилейной пушкинской речи 1937 года «Два маяка» (III, 342). Интересно, что в этом тексте он, размышляя о восприятии красоты Пушкиным, замечал: «...и “воспоминание”, которое будет потом укреплять его, покажет ему за туманным обликом покинутой тот луч “гения чистой Красоты”, что мелькнул в ее чертах в одно заветное мгновение. В этом, по нашему мнению, психологическая разгадка и стихотворения “К А.П. Керн” (“Я помню чудное мгновение...” <...>» (III, 332).

Последовательность событий, рассказанных в «Шевелюре», для «Цветов зла» довольно характерна, как и вообще тема запахов в качестве агентов воспоминаний-мечтаний важна для «Цветов зла». Например, герой расположенного по соседству стихотворения «Экзотический аромат», вдохнув запах обнаженных грудей своей подруги и закрыв глаза, воображает себя на тропическом острове, совсем как рассказчик раннего стихотворения В. Брюсова в «синем алькове» (место действия «Шевелюры») мечтает о «лесгах криптомерий», чем вызывает «встревоженный шепот» его подруги: «Валерий, ты бредишь». Напомним, что своеволие таких ассоциаций-воспоминаний-

воображений-мечтаний Иванов осудил в своей статье «Две стихии в современном символизме», разбирая вторую часть сонета Бодлера «Соответствия», посвященную «половодью чувств», захлестнувших поэта от запахов:

Не правда ли, поэт покидает здесь свою основную мысль о стройном соответствии в природе как о мистическом начале ее скрытой жизни и явной тайне ее феноменального воплощения? Он останавливается на примерах, на частностях и ограничивается тем, что соблазнительно заставляет нас ощутить в воспоминании ряд благоуханий и сочетать их навязчивыми ассоциациями с рядом зрительных или звуковых восприятий. Не достигнем ли мы путем переживания этого параллелизма чувственных впечатлений только обогащения своего воспринимающего я? В смысл этого параллелизма по отношению к загадке сокровенной жизни естества мы не имеем никакого прозрения (II, 550).

Недаром Иванов выбрал для перевода среди прочих стихотворение Бодлера «La vie antérieur», представляющее собой именно такое мечтание или воспоминание о какой-то предыдущей жизни, дав ему название «Предсуществование»²⁴.

Предположим, что дикая Красная Поляна, пребыванию в которой посвящена ивановская поэма, также могла источать «райские» запахи, тем более что в памяти поэта (как и в памяти его дочери²⁵) запечатлелась полная разных деревьев:

VIII

И первую мне Красная Поляна,
Затворница, являет лес чинар,
И диких груш, и дуба, и каштана
Меж горных глав и снеговых тиар <...>

X

Орешники я помню вековые <...>
(III, 353)²⁶

«Созвездие» Верховского, как показал М.Л. Гаспаров в статье «Строфическая традиция и эксперимент»²⁷, написано экспериментальной формой цепного соединения французских восьмистиший (huitain), пример которых находим в ивановском стихотворении «Signum

Rosae» из «Cog ardens» (II, 485). «Деревья» же представляют собой поэму в итальянских восьмистишиях, т.е. в октавах (abababcc), использование которых связано с корневой традицией в европейской поэзии, но и с «внушительной традицией стихотворных повестей в октавах»²⁸ в русской лирике. Компактнее всего в этой связи опять сослаться на упомянутую статью Гаспарова: эпическая строфа, впервые употребленная Боккаччо (напомним, его «Фьезоланских нимф» позднее перевел именно Верховский), а далее Ариосто, Тассо, Камозаном и многими другими, была не раз использована Байроном в своих поэмах, а также Гёте во вступлении к «Фаусту» и Жуковским в посвящении к «Двенадцати спящим девам». Этот контекст, по мнению автора, важен для первой части как будто автобиографической поэмы С. Соловьева с шумановским названием «Любовь поэта»²⁹. В самом деле, перипетии рецепции этой строфы в 1830-е гг., описанные в ряде работ пушкинистов, в том числе в известной статье Е. Эткинда «Русская октава и Пушкин», для Соловьева, как и для Иванова, возможно, и не столь важны, как не имеет к ним прямого отношения и возникшая после «Домика в Коломне» традиция иронической поэмы в октавах, вроде «Сна Попова» А.К. Толстого или даже саркастического «Кремлева» Ф. Сологуба, которая уже послужила предметом научного интереса³⁰. Зато, очевидно, к выбору Иванова, а возможно, и Соловьева имеет отношение самая обширная из написанных октавами (230 строф) автобиографическая поэма Д. Мережковского «Старинные октавы (Octaves du passé)», которая создавалась в середине 1890-х, но была впервые опубликована в 1906 г. в «Золотом руне». Несмотря на то что здесь, кроме появления порой ироничного тона, а также присутствия замеченной К.А. Кумпан отсылки к Пушкину (ср.: «Писать октавами роман хочу...»³¹), все же поэма в целом серьезна и начинается с описания младенчества героя («От шума дня, от клеветы людской / От глупых ссор полемики журнальной / Я уношусь к младенчеству душой...»³²). Интересно, что она, как и «Младенчество» Иванова, первоначально носила бледное название «Жизнь»³³. Кроме того, Иванова и Мережковского сближает еще один общий сюжет, нечуждый кругу затронутых на этих страницах тем.

Речь идет об обращении к легенде, известной в России по средневековому сборнику латинских новелл и нравоучительных историй «Великое зеркало» («Speculum magnum»), которыми проповедники иллюстрировали свои проповеди, переведенный на польский и «сла-

вяно-русский» язык уже в XVII в. Одна из них, под названием «О славе небесной», уже однажды послужила источником для повести Н. Карамзина «Райская птичка», до того входила в «Вертоград многоцветный» С. Полоцкого и была растрогана в лубке, а из драматической поэмы Г. Лонгфелло «Золотая легенда» (название отсылает к другому знаменитому средневековому сборнику латинских легенд Иакова Ворагинского) пересказ именно этого сюжета И. Бунин выбрал для перевода (1908). Он состоит в том, что, когда монах сомневается во фразе апостола о дне Бога, который равен тысяче лет (2 Петра 3:8), в келью влетает «некий малый и zelo прекрасный птищ»³⁴, который пением уводит его в лес, а когда тот, дослушав птичку, возвращается в монастырь – оказывается, прошла тысяча лет.

Мережковский обратился к этому сюжету в стихотворении «Монах (Легенда)» (1889), вот его финал:

<...> «Увы! Три столетия... о, птичка, певунья лесная!
Казалось – на миг, на один только миг
Забылся я, песне твоей сладкозвучной внимаю –
Века пролетели минутой!» – и, очи смежая,
Промолвил он: «Вечность я понял!» – главою поник
И тихо скончался старик³⁵.

Стихотворение Иванова «Время во сне» излагает сюжет крайне сжато:

«Ветви надо мною
Древо простирает;
Солнечной волною
В сонном замирает
Райской щебетуньи
Весточка святая.
Порх – и нет вешуньи.
Скрылась, улетаю
С ветвию счастливой...
Нет и дива-древа...
Ах, и нет в ревнивой
Памяти напева».

– «Некто, птичке райской внемля,
Юн уснул, проснулся старцем.
Поглядись в ручей: быть может,
Старец, ты младенцем стал».

Концепция обратного течения времени во сне, которую Иванов соединяет с сюжетом о монахе, имела развитие в кругу представлений, так или иначе близких к русскому модернизму. Самым известным текстом на эту тему, наверно, можно считать «Иконостас» П. Флоренского. Написанный между 1919 и 1921 гг., но задуманный уже в 1912 г.³⁶, текст Флоренского, как кажется, несет следы ивановской мысли: например, говоря о переходе от бодрствования ко сну и обратно, Флоренский просто кратко пересказывает схему Иванова из статьи «О границах искусства». Не исключено даже, что название ивановского стихотворения можно посчитать своего рода «воспоминанием» о Флоренском³⁷.

Напомним, что Флоренского заинтересовали случаи, когда внешняя причина пробуждения (звонок будильника) оказывалась как бы встроенной в сюжет сна, из чего он делал вывод, что время сна – это «время обращенное»³⁸. Надо сказать, что, говоря об этих случаях, Флоренский честно сослался на первого ученого, кто занялся временем во сне, немецкого мистика Карла дю Преля. Для него открытие особого характера времени сна стало поворотным пунктом в биографии, он вплотную заинтересовался мистикой – так он описывает это в своей ранней работе «Трансцендентальный субъект существует»³⁹, позже он написал специальную работу «Онейрокритикон, или Сновидение с точки зрения трансцендентального идеализма» (1868) и посвятил сну и времени в нем специальный раздел «Трансцендентальное время» в фундаментальном труде «Философия мистики», переведенном на русский уже в 1895 г. Несмотря на то что дю Прель последовательно объяснял время во сне то его невероятной скоростью («мгновенное время»), то ясновидением сонного сознания (в одном месте он прямо ссылается на аристотелевскую *causa finalis*⁴⁰), а Флоренский – обратным его течением, они сходятся в признании некоего потустороннего, «трансцендентального», «горнего» мира со своим особым временем и сна как пути перехода в этот мир.

С таким миром, раем, ассоциируется Красная Поляна у рассказчика поэтического мемуара, уход из которого подан через аллюзию на молитву, где использован образ врагов Бога, исчезающих, «яко тает воск от лица огня»:

Кто скажет, где тот заповедный рай?
Исконное – и чуждое, не наше –
То бытие, подобное по край

Наполненной, покоящейся чаше?
 Но в нем – я сам... И Муза мне: «Взирай,
 Сколь жизнь твоя была полнее, краше,
 Блаженнее, чем сколько постигал
 Ты в ней, когда, как воск, ее сжигал.

(Ш, 534)

Кроме «Времени во сне», с «Деревьями» так или иначе связан определенный круг ивановских текстов. «Младенчество» находится в этом ряду не только тематически, как поэма об утраченном рае⁴¹, но и потому, что написана твердой, хоть и чисто русской строфой. Не будем также забывать, что, как было показано, одна из его ключевых метафор, имеющих метатекстовое значение для этого произведения («воспоминаний палимпсест»), позаимствована из «Искусственных Раев» все того же Бодлера⁴². Октавами написан и также создававшийся в пореволюционное время «Эпилог» поэмы «Человек». Упомянем еще один текст, где воспоминание превращается в память о «предсуществовании», – цикл стихотворений «Серебряный бор» (1919).

Так мы подходим к истолкованию заглавия поэмы. В записях О. Мочаловой ивановских высказываний эпохи работы над ней находим одно примечательное: «Деревья растут из будущего в прошлое»⁴³. Ту же самую сентенцию записала со слов поэта и О. Шор:

24 июня 1931 г.

Говорили о Вячеславологии:

Стих в «К Памяти» о растениях: они живут из будущего в прошлое.

Стих в «Младенчестве». Переход от сада и растений к старику Сторожу естественен, так как *молодые* травы соответствуют именно *старiku* в человеческом мире⁴⁴.

Комментатор справедливо относит первое из этих суждений к соответствующему фрагменту «Деревьев», точнее – к шестой строфе, где «расти вверх», по аналогии с текущей вспять рекой памяти, означает «двигаться к истоку»:

<...> И вот река течет бессмертья лугом,
 К началу вверх, откуда ключ забил,
 Растениям вослед, немым подругам,
 Которых ты предчувственно любил,
 И прошлого лелеет отраженья
 Омытые в водах пакирожденья.

VII

То Памяти река. Склонись у вод –
 И двойников живых своих увидишь <...>

(Ш, 534–535)⁴⁵

Еще один раз свою идею о растениях (деревьях) Иванов высказывает М.С. Альтману 5 сентября 1921 г. в весьма примечательном контексте, где сплетены идея воскрешения («общего дела» Н. Федорова) и возврата в рай:

Я интуицией своей постигаю растения и знаю, что они движутся от будущего в прошлое. Если мы представим себе весь мировой путь в виде круга, то мы и растения в этом круге движемся в направлениях как раз противоположных. Вот Федоров – гений с интуицией растений, оттого его интуиция для нас так необычайна. Он движется из будущего в прошлое, и по мере его движения встают один за другим мертвецы из могилы, оттого и главная его идея – воскрешение отцов, он идет туда (в рай), откуда мы исходим⁴⁶.

Нет нужды лишней раз говорить о важности идеи памяти или «мнемологии» для Иванова, хотя, как мы здесь пытались бегло показать, строй его мыслей, нигде последовательно поэтом не изложенных, требует реконструкции⁴⁷. И. и О. Ронены связывали различие между памятью и воспоминанием с нежеланием солгать, сравнивая их с языком и речью⁴⁸. В «Римском дневнике» на 2 февраля Иванов задачей поэта объявил учить «воспоминать» (Ш, 592). Однако сам писатель, кроме «жизнеописания» детства, не оставил воспоминаний, предпочитая трактовать как акт Памяти все свое собственное поэтическое творчество: «Говорили о том, что у Вячеслава очистительной поэзией <sic!> акт происходит в виде лирического гимно творчества, кот<орое> в свою очередь есть *siu generis* проекционная геометрия: событие жизни погружается в память веков, до древних мистерий и так вновь полученное в Памяти очищается, что есть действия Благодати, как и самое послание поэтического дара»⁴⁹. Поэтический сборник его младшего последователя в литературе назывался «Память» (1935), и в предисловии к этой книге Иванов, не сговариваясь, вторил своему старинному другу:

Это чувство в себе родовой стихии (оно же и его «родовая тоска») поэт именует памятью. И прав он, не в умозрении, а в душевном

опыте различая память от воспоминаний. «Не говори о страшном, о родном, не возмущай мои тысячелетья», – это не о воспоминаниях сказано, чей огонек, как и сама жизнь, «мерцает тусклостью свечи в разверзшие мириады»: сказано это о памяти. Она священна, «вечною» зовет ее Церковь; воспоминания же, зыбучими призраками тумана встают они между душой и ее неподвижной памятью. Память укрепляет и растит душу: воспоминания сладкою грустью ее разнеживают, чаще жестоко и бесплодно терзают. Но воспоминаний у певца мало⁵⁰.

Примечания

1 РНБ Ф. 1015. Ед. хр. 509. Л. 6 – 6 об., 9. В качестве возможной мотивации этого рассуждения напомним, что 8 января 1934 г. умер Андрей Белый, у которого воспоминаний было достаточно, и, кроме того, в том же году вышел первый том «Автобиографических записок» самой Остроумовой-Лебедевой. Добавим также, что два послания Верховского к Остроумовой-Лебедевой, 1913 и 1951 гг., из корпуса тех же писем ранее были опубликованы в ст.: *Lucas von Leiden*. Юрий Верховский: Неизданное и несобранное // <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/134977.html> и <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/135271.html>, дата просмотра 19.06.2016. Здесь же намечены вехи их длительного знакомства, начало которого справедливо относится к зиме 1908/1909 гг. Письмо Верховского к Остроумовой-Лебедевой от 7 октября 1952 г. позволяет уточнить его дату: «Из одного письма Шурки явствует, что я познакомился <с> Вами и Сергеем Васильевичем 27-го Ноября 1908-го года» (Там же. Л. 31 об.; из упомянутых здесь двух имен комментированию пока поддается только С.В. Лебедев, муж художницы). Не исключено, что эти сведения потребовались Остроумовой-Лебедевой для работы над мемуарной книгой «Пути моего творчества», писать которую она начала за два года до этого (см.: *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки / Сост., автор вступ. ст. и прим. Н.Л. Приймак. М., 1974. С. 24). Верховский ценил ее автобиографическую прозу, см. в его письме к Л.В. Горнунгу от 17 января 1932 г. из Ленинграда: «Заходили ко мне, кроме жены и дочери, Скалдин, да Княжнин, да Е.П. Казанович. А сам я был-то на днях у А.П. Остроумовой-Лебедевой – сломавшей себе левую руку! – слушал, слушал ее воспоминания о Париже и Уистлере, очень интересные» (НИОР РГБ Ф. 697. Карт. 1. Ед. хр. 8. Л. 10 об. – 11).

2 *Верховский Ю.* Струны: Собрание сочинений. М., 2008. С. 671. Важно отметить, что Иванов присутствовал при чтении этой поэмы автором, см. в письме М.М. Заматиной к В.К. Шварсалон от 19 июня 1915 г. об одном обеде в московской квартире Ивановых: «Бальмонт был очень, очень симпатичен. Читал стихи, к сожалению, я от усталости едва могла их слышать. Читал ему Юр. Ник. свое «Созвездье» и Бальмонту очень понравилось. Ю. Ник. около часу пошел его провожать. Пятницу и субботу Вячеслав вставал поздно, проводилось время с Юр. Ник. <...>» (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 27 об.).

3 *Верховский Ю.* В память Александра Блока (Отрывочные записки, припоминания, раздумья) // А. Блок и современность. М., 1981. С. 348.

4 Начало публикации этой части наследия поэта положил А.В. Лавров своей работой «Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского» (Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура. Томск; М., 2003, а также в кн.: *Лавров А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015); см. также публикацию послания Верховского к В.К. Шварсалон: *Lucas von Leiden*. К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского // <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/97706.html#cutid1> и <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html>, дата просмотра 28.06.2016.

5 Ср., например, пушкинский зачин его тифлиского стихотворного послания «Алекса́ндре Николаевне Чеботаревской» от 11 октября 1911 г.: «Для вас – как рад бы был запеть / Я песни Грузии печальной <...>» (ИРЛИ. Ф. 189. № 69. Л. 1).

6 *Верховский Ю.* Струны. С. 673.

7 Юрий Верховский. Три стихотворения / Публ. А. Грейсмана // Знамя. 2011. № 5 (текст доступен по адресу: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/5/ve9.html>, дата просмотра 18.06.2016).

8 В этом письме из Тифлиса от 7 марта 1913 г. Верховский, выражая среди прочего готовность быть постоянным рецензентом (очевидно, журнала «Заветью»), замечал: «Если же, наконец, заметка эта Вам не подходит или опоздала, – не откажите передать ее при свидании или доставить как-нибудь А.М. Ремизову. Впрочем, я уже просил Вас об этом относительно всех моих рукописей, которые оказались бы непринятными» (ИРЛИ Ф. 185. Оп. 1. № 1801. Л. 2). В «Заветах» книгу рецензировал А. Фомин (№ 7. С. 185–187).

9 *Горнунг Б.В.* Поход времени: Статьи и эссе. М., 2001. Т. 2. С. 316.

10 РНБ Ф. 1015. Ед. хр. 509. Л. 18 об.; письмо, очевидно, также надиктовано, так как написано чужим почерком, подпись – автограф. История так и не вышедшего итогового, т. е. своего рода мемуарного, сборника стихов Верховского очерчена в упомянутой работе *Lucas von Leiden*.

11 Н.С. Гумилев в переписке П.Н. Лукницкого и Л.В. Горнунга / Публ. И.Г. Кравцовой (при участии А.Г. Терехова) // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 561. В письме говорится о посвященной творчеству Гумилева обширной аналитической статье Верховского «Путь поэта» (Современная литература. Л., 1925). По сведениям Р.Д. Тименчика, его конфликт с Гумилевым восходит к 1911 г. В проекте воспоминаний Верховский писал: «Полемическое мое отношение к Н.С. Гумилеву – критику, теоретику и поэту-эстету – до “Огненного столпа”» (*Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 298). Ср. также характерное замечание о стихах В. Чернявского в его письме к А.М. Ремизову от 28 апреля 1913 г.: «...акмеизм какой-то и что-то вроде бездарности» (ИРЛИ Ф. 256. Оп. 3. № 41. Л. 8 об.). В письме Лукницкого упоминается также «африканская поэма» Гумилева «Мик» (1914), названная Верховским в статье «милой детской сказкой».

12 ИРЛИ Ф. 94. № 52. Л. 2, 3. Пяст умер 19 ноября того же года. Упомянуты первая жена поэта Н.А. Пестовская (урожд. Нечаева) и Н.С. Омелянович, вторая его супруга. Последней, по завещанию Пяста, переходили его «носильные и прочие вещи, за исключением осеннего пальто» (*Фоогд-Стоянова Т.* Письма и документы В.А. Пяста (1938–1940) из архива Т. Фоогд-Стояновой / Вступ. ст., подг. текста, публ. и примеч. Т. Фоогд-Стояновой, послесл. Т.В. Цивьян // Антропология культуры. 2005. Вып. 3. С. 373).

13 Разумеется, можно лишь строить предположения, почему поэт оставил работу над поэмой. Одно из них напрашивается: она обрывается на том месте, где, собст-

венно, и должны были начаться сами воспоминания, и, таким образом, осуществляет идею, высказанную в ее начале. Не исключено, однако, что на глаза Иванову мог попасться сборник Н. Гумилева «Костер» (1918), где было напечатано стихотворение «Деревья» (1915). Но тогда надо принять во внимание, что в 1921 г. вышел не только номер «Записок мечтателей» с введением в поэму, но и «Огненный столп» со стихотворением Гумилева «Память».

14 Вестник литературы. 1920. № 9 (21). С. 13.

15 Иван Дегтеревский. Записки мечтателей // Жизнь. 1922. № 2. С. 167.

16 Георгий Адамович. [Рец.] Записки мечтателей. №№ 2-3 и 4 // Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 64. Исследование истории бытования этой дихотомии в русской поэзии начато работой И. Ронен и О. Ронена «“Память” и “воспоминание” у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича» (Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К.Ю. Лаппа-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб., 2010. С. 138–139). Простой долг заставляет упомянуть в этой связи знаменитую сентенцию А. Ахматовой из «Решки»: «Между “помнить” и “вспомнить”, други, / Расстояние, как от Лути / До страны атласных баут».

17 Контрибуция Иванова в сборник ныне опубликована по автографу из архива семьи Флоренских, см.: *Марченко О.В.* Символика сердца в размышлениях Вяч. Иванова, В. Эрн и о. П. Флоренского: некоторые замечания // *Rossica Lublinensia*. Т. VII. «Życie serca»: duch – dusza – ciało i relacja Ja – Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku w kontekście europejskim. Lublin, 2012. S. 53–54 (текст доступен по адресу: http://www.v-ivanov.it/files/4/4_Marcenko.pdf, дата просмотра 20.04.2016).

18 Это указание можно дополнительно использовать при датировке текста, тем более что в карандашном беловом автографе с правкой из Римского архива писателя стоит «двух весен» (Оп. 1. Карт. 1. Папка 6. Л. 126, доступен по адресу: http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p06-1917/op1-k01-p06-f126_ne_minulo_dvuh_vesen.jpg, дата просмотра 19.06.2016). Эрн умер 29 апреля 1917 г.; таким образом, над поэмой Иванов работал дважды, весной 1918 г. и в 1919 г.

19 Текст на этом обрывается, на обороте черновик телеграммы рукой Иванова о том, что он выезжает в Москву (НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 38. Л. 26 об. – 27). На самом деле он поехал туда с женой только 12 сентября, см. письмо В.К. Шварсалон к брату Сергею от 20 сентября 1917: «Вячеслав уехал от нас 16 авг<уста> в Ессентуки, к Вере, где они прожили вместе до 12 сент<ября> и поехали в Москву» (*Кобринский А.* К обстоятельствам пребывания Вяч. Иванова с семьей в Сочи в 1917 году // *Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы.* СПб., 2011. С. 90).

20 Булдеев А. Потерянный Эдем. Стихи. М., 1910. С. 50 (кроме того, в этом сборнике опубликовано еще шесть переводов из Бодлера). Интересно, что у одного из современных исследователей книга Булдеева ассоциируется с «Младенчеством» Иванова (см.: *Молодяков В.Э.* Дорога в потерянный Эдем // *Молодяков В.Э.* Загадки Серебряного века. М., [2009]. С. 317). Национальный корпус русского языка напомнил еще одно появление этого сочетания, в стихотворении М. Кузмина «Античность надо позабыть...» (1924): «Гут – Моцарт, Гофман, Гете, Рим, – / Все, что мы любим, чем горим, / Но не в туман облечено, / А словно брызнуло вино / Воспоминаний...».

21 Кроме Эллиса и Якубовича стихотворение перевели А. Альвинг и А. Панов (*Бодлер Ш.* Цветы зла / Изд. подг. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М., 1970. С. 43–44, 325).

22 Бодлэр [Ш.] Цветы Зла / Пер. П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909. С. 91.

23 Оставим пока, какое место в этом ряду занимает «мед воспоминаний» С. Есенина из его стихотворения «О муза, друг мой гибкий...», своего рода *hommage* «наставникам», из которых Есенин поминает «разумниковский лик» и «апостола нежного Клюева» накануне нового этапа жизни и творчества («Опять под дождик сыпкий / Мы вышли на поля»). Правда, «мед» здесь может быть не только хмельным напитком, но и мотивирован липким сладким пространством, образующимся *unter den Linden*: «О мед воспоминаний! / О звон далеких лип!» Можно только согласиться с давно высказанным мнением: «Поэтические подтексты и богатый цитатный инвентарь Есенина недостаточно исследованы» (*Ронен О.* Из наблюдений над стихами эпохи «промежутка» // *Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения.* Рига, 1990. С. 24).

24 Несмотря на то что оргинал не дает для этого прямых оснований, один из переводчиков использовал именно воспоминание для мотивировки его загадочного содержания: «Мне помнится дворец с торжественным порталом» (пер. М. Гордона, *Бодлер Ш.* Цветы зла. С. 315), ср. в оригинале: «J'ai longtemps habité sous de vastes portiques...», при всех остальных вольностях именно это у Иванова переведено вернее: «Моей обителью был царственный затвор».

25 Ср.: «Красная Поляна лежала в глубине небольшой равнины среди высоких горных стен, поросших почти непроходимыми зарослями густого леса. Среди них находились одичалые сливы, яблони, груши и черешни» (*Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 64). Само название могло вызывать эти ассоциации, как это произошло, например, у старинной приятельницы семьи Ивановых Н. Гейман, писавшей В. Шварсалон летом 1916 г.: «Читаю адрес, взятый у Аннушки: Черноморская губерния... Красная Поляна... и кажется мне, что там-то и есть духовный рай... там они, мои дорогие... солнечные лучи, греющие мою душу» (НИОР РГБ Ф: 109. Карт. 15. Ед. хр. 66. 12 об. – 13, судя по почтовому штемпелю, было получено 28 июня; в письме упоминается прислуга Ивановых).

26 Возможно, далеким отзвуком этой традиции можно посчитать рассуждение об ольфакторном характере исторической памяти в знаменитом стихотворении И. Бродского «Теперь так мало стало греков в Ленинграде...» (1966), где автор рассуждает о поведении собак, поднимающих «по старой памяти» на том же месте лапу, хотя там уже давно находится дом, а не садик: «И если довелось мне говорить / всерьез об эстафете поколений, / то верю только в эту эстафету. / Вернее, в тех, кто ощущает запах».

27 *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. 3. О стихе. М., 1997. С. 393.

28 *Белоусова А.С.* Генезис и эволюция русской октавы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 3.

29 *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. 3. С. 375. В ее первых строках упоминается и Эдем: «Ты помнишь, как в последних числах мая / Явились мы в твой радостный Эдем...» (*Соловьев С.* Цветник Царевны: Третья книга стихов (1909–1912). М., 1913. С. 73).

30 Например, в работе М. Шапира «Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы: Байрон – Пушкин – Тимур Кибиров» (*Philologica*. 2003/2005. Т. 8. № 19/20. С. 91–168, текст можно загрузить с адреса: <http://rvb.ru/philologica/08pdf/08shapir.pdf>, дата просмотра 1.07.2016). Кстати, Соловьев меняет строфу и метр своей поэмы также не без намека на пушкинский знаменитый шуточный отказ от четырехстопного ямба в пользу октавы: «Но строгие октавы надоели...» (Там же. С. 74).

31 *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 528, см. также комментарий на с. 877.

32 Там же. С. 530. Не будем забывать, что «воспоминание» является одним из мотивов «Домика в Коломне».

33 По мнению историка жанра, ивановская поэма входит в группу текстов, написанных октавами, но не использующих пушкинского «автора-повествователя», в них «рассказчик не отделен от автора-поэта и повествует как будто о себе самом, часто о собственном детстве и юности» (*Белоусова А.С.* Русская октава после «Домика в Коломне» // *Славянский стих IX. М.*, 2012. С. 188, 189). Сюда еще относятся, кроме вышеупомянутых, «Студент» Фета, «Поп» Тургенева, «Портрет» Толстого и «Сортиры» Кибирова.

34 *Державина О.А.* «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 216. К стихотворению С.А. Соколова «Два мира» эпиграфом стоит та же цитата: «Для Господа тысяча лет, яко день один» (*Сергей Кречетов.* Алая книга. М., 1907. С. 32). Сюжет о монахе и райской птичке привлекает и современных религиозных поэтов; см., например, переложение его О. Николаевой в «романе в стихах» «Августин» (Национальная премия «Поэт»: Визитные карточки. М., 2010. С. 249).

35 *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. С. 353. См. также примечания К.А. Кумпан на с. 827.

36 *Флоренский П.А.* Иконостас / Авт. вступ. ст. игумен Андроник (Трубачев), П.В. Флоренский. М., 1995. С. 23.

37 По Дешарт, первая часть «Времени во сне» написана в то же время, что и «Деревья», в ноябре 1917 г., а последнее четверостишие, его ироничная разгадка (старик как дитя), дописано в 1945 г. (III, 538). Одно из отброшенных заглавий было «Диводрево» (РАИ Оп. 1. Карг. 3. Папка 2. Л. 93; см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-3/p02/op1-k03-p02-f093.jpg>, дата просмотра 19.06.2016).

38 *Флоренский П.А.* Иконостас. С. 39.

39 Фрагмент из нее был переведен на русский в предисловии к кн.: *Д-р Карл Дюпрель.* Загадочность человеческого существа. Введение в изучение оккультических наук / Пер. с нем. М.С. Аксенова. М., 1904. С. 5–7.

40 *Д-р Карл Дюпрель.* Философия мистики, или Двойственность человеческого существа / Пер. с нем. М.С. Аксенова. СПб., 1895. С. 99.

41 Разумеется, это лишь одна из тем этого текста, истолкование прочих см. в: *Аверин Б.* Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 147–175 (об аллюзии в поэме на «Домик в Коломне» см. на с. 155). Третье стихотворение из цикла «Песни из лабиринта», очевидного прототекста «Младенчества» (Там же. С. 167–168), где рассказывается о видении моря и райских оленей из зоопарка, носит название «Память».

42 У него «*ralimpsest de la mémoire*», см.: *Ронен И., Ронен О.* «Память» и «воспоминание» у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича. С. 141, ранний вариант того же текста см.: *Звезда.* 2008. № 11; см.: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/11/ro15.html>, дата просмотра 25. 06. 2016.

43 *Мочалова О.* Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. М., 2004. С. 17. Оставляю сейчас без рассмотрения хорошо известную специалистам тему обратного течения

времени, увлекавшую мысль Иванова в ряде текстов (в первую очередь в поэме «Сон Мелампа»).

44 Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор / Предисл. и коммент. С.С. Аверинцева; подг. текста А.Б. Шишкина // *Archivio Russo-Italiano III.* Русско-итальянский архив III: Вячеслав Иванов – новые материалы / Сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Salerno, 2001. С. 137, 143.

45 Ср. в стихотворении С. Боброва «Поток»: «Когда же кони несутся, / Как волны Памяти – вспять...», а о его зависимости от поэтического мира Иванова (в этом сборнике) свидетельствует прямое заимствование одной из самых известных его строк: «Где я? где я? восклицает / Странник, простирая взор...» (*Бобров С.* Вертоградари над лозами. М., 1913. С. 43, 62).

46 *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 83.

47 О значимости для идей Иванова дифференциации памяти и припоминания в «Федре» Платона (275–275b) см. подробнее в работе: *Benčić Ž.* Категория памяти в творчестве Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Fr. a. M., Berlin, Bern et al., 2002. С. 49–52. Но внимания исследователей ждут также неочевидные идейные контексты такого повышенного интереса к теме памяти: учение Р. Штейнера о том, что раса атлантов обладала развитой памятью в ущерб логике и рассудку (*Штейнер Р.* Из летописи мира. М., 1914. С. 6–8, 16–18 и далее), или тонкое и полное выпадов против теории ассоциации идей различение А. Бергсоном воспоминаний-воображений и разных видов собственно памяти в его труде «Материя и память», который был в библиотеке Иванова, причем на языке оригинала (*Обатнин Г.В.* К описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Europa orientalis.* 202. Vol. XXI: 2. № 794), а также работы других философов, находящихся в диалоге с современной им психологией (например, ранняя работа Г. Шпета «Память в экспериментальной психологии», 1905), или замечания о памяти в «Столпе и утверждении истины» П. Флоренского (например, «Мы “помним” вовсе не психологические элементы, а мистические <...>»)... Однако уже сейчас в качестве исторического фона будет не лишним упомянуть античное в своих истоках «искусство памяти» или «мнемонику», ставшую на рубеже веков темой массовых спекуляций и поэтому заинтересовавшую учителя Шпета, Г. Челпанова. Серия его разоблачительных статей в «Мире Божьем» 1890-х гг., а также публичных лекций, позже объединенных в книгу «О памяти и мнемонике. Популярный этюд» (М., 1900), была ответом на эту моду. Здесь он, кратко проследивая историю увлечения мнемоникой, указывал на еще одну эпоху ее популярности: «Интерес к этому искусству, можно сказать, никогда не ослабевал, но особенно он оживляется в начале нынешнего столетия» (С. 47), т.е. в раннеромантическую эпоху, на рубеже XVIII и XIX вв.

48 См.: «Речь может быть ложной, но не язык» (*Ронен И., Ронен О.* «Память» и «воспоминание» у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича. С. 137).

49 Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор. С. 139.

50 *Иванов В.* Предисловие // *Голенищев-Кутузов И.* Память. Берлин, 1935. С. 7. Цитируется стихотворение «Не говори о страшном, о родном...» (С. 47).